

2006 —

Год России в Китае

На развалинах Чугучака
«Неведома зверушка» с роскошного халата

Александр Хохлов

На развалинах Чугучака

Выдающийся русский художник Василий Васильевич Верещагин (1842–1904) вошёл в историю русской культуры не только как великий мастер батальной живописи, но и как смелый путешественник, оставивший после себя немало картин, посвящённых поездкам по России и зарубежным странам, в первую очередь странам Востока.

Особое место в его творческой биографии занимала военная служба, в том числе и в Туркестанском крае, куда он в августе 1867 г. в чине прапорщика был отправлен в распоряжение генерал-губернатора К.П. Кауфмана, командующего войсками Туркестанского военного округа. Когда молодого офицера из Ташкента направили в Сырдарьинскую и Семиреченскую области для этнографических исследований, его в пути настигло известие о возобновлении военных действий бухарского эмира против России. В связи с этим художник срочно изменил свой первоначальный маршрут и, следуя за российскими войсками, через Ура-Тюбе и Джисак добрался до Тамерлановых ворот.

3 мая В.В. Верещагин прибывает в Самарканд, где участвует в обороне Самаркандской крепости. За мужество и отвагу, проявленные им во время осады, его награждают Георгиевским крестом 4-й степени.

После возвращения в российскую столицу и поездки в Париж В.В. Верещагин в начале 1869 г. участвует в организации своей выставки в Петербурге, на которой, помимо живописных полотен, должна была также экспонироваться его этнографическая коллекция, собранная в Средней Азии.

В мае того же года В.В. Верещагин вновь отправляется в Ташкент, откуда совершает несколько поездок в соседние города, в том числе Самарканд. Летом и осенью 1869 г. он путешествует по Семиреченской области, посещая города и населённые пункты, расположенные вдоль границы с цинским Китаем. Интерес к культуре соседних с Рос-

Александр Николаевич Хохлов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

В.В. Верещагин.

сией азиатских народов, а также к восстанию дунган, таранчей и других мусульманских народов против маньчжурского владычества в западных районах Цинской империи¹ побудил художника совершить рискованную поездку через границу в разрушенный повстанцами Чугучак (Тарбагатай), где в соответствии с русско-китайским договором 1864 г. функционировало российское консульство.

Во время поездки художник вёл путевой дневник, который сохранился в его личном архиве (находится в Государственной Третьяковской галерее) в виде черновых карандашных записей.

Примерно через четверть века В.В. Верещагин, не возвращаясь к черновому варианту описания своего путешествия в пределы цинского Китая в 1869 г., обратился к указанному сюжету в связи с подготовкой статьи под названием «Впечатления войны». В архиве художника – несколько её вариантов.

Ни предполагаемая статья В.В. Верещагина, ни журнал его поездки в Чугучак не найдены среди опубликованных трудов российского художника. Однако в его книге под названием «Листки из записной книжки художника В.В. Верещагина», вышедшей в свет в 1898 г. в Москве, помимо любопытных сведений о китайской кухне, полученных в ходе поездки в 1869 г., есть указание на то, что автор не оставлял мысли и намерения вновь вернуться к знакомому сюжету: «Когда-нибудь, – писал он, – я поведаю историю этого восстания и осады Кульджинской крепости, кончившейся тем, что амбань, т.е. генерал-губернатор², комендант и офицеры, потеряв надежду обороняться от мятежников и считая недостойным отдаваться в их руки, в последний раз покушали, выпили по лишней рюмке тёплой водки, закурили трубки и взорвали себя... Расскажу, говорю об этом эпизоде

В студии В.В. Верещагина под Москвой.

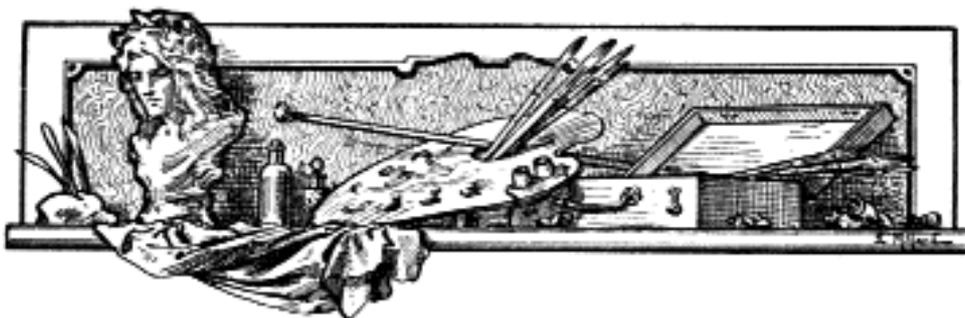

обширной драмы, унесшей вдоль всей нашей границы до 20 млн народа, [в] другой раз».

Судя по другой публикации В.В. Верещагина, появившейся 9 (22) апреля 1901 г. в газете «Новости», художник-литератор сдержал своё обещание относительно рассказа о дунганском восстании, но выполнил это путём пересказа сведений, полученных им от предпринимателя Н.Г. Третьякова, побывавшего в 1875 г. в западной части цинского Китая.

Главным же творческим результатом путешествия В.В. Верещагина в эту часть тогдашней Цинской империи стали его рисунки, в том числе работа под названием «Из развалин Чугучака», упомянутая в «Каталоге выставки картин и рисунков покойного В.В. Верещагина». (М., 1910).

Предлагаем с незначительными сокращениями текст дневника В.В. Верещагина и один из вариантов его статьи, снабжённые нами краткими пояснениями, заключёнными в квадратные скобки.

Из путевого дневника В.В.Верещагина (1869 г.)

Последнее восстание мусульман в пограничном с нами Китае — восстание, залившее кровью запад Небесной империи — от Чёрного Иртыша на севере до самых южных городов Малой Бухарии, или Кашгарии, — неудержимо влекло меня на китайскую границу, проехав которую вдоль Алатауского хребта, я рассчитывал хорошо познакомиться и с ходом восстания, и театром его [военных] действий. Города Чугучак [Тарбагатай], Кульджа и другие [населённые пункты], полуразрушенные [и], как мне говорили, заброшенные, должны были, однако, сохранить кое-что в своих развалинах.

После долгого и утомительного проезда Сибирью я приехал, наконец, в Сергиополь (Аягуз), первый городишко в Семиреченской области, в северной части Туркестанского края. Сергиополь — печальнейшее местечко — город только по названию: несколько десятков низких мазанок с маленькою церковью. Плетени составляют непроходимую стену улиц. Я не застал дома уездного начальника, и так как он был в Урджаре на китайской границе, т.е. именно там, куда я столь пламенно стремился, то и отправился дальше немедленно. Речку Аягуз, на которой стоит Сергиополь и по имени которой [он] прежде назывался, мы переехали вброд. Дорога [перед нами] лежала пустынная. На сохранившихся развалинах [селений] направо и налево располагались невысокие холмы, за которыми вдали виднелась цепь Тарбагатая со снежными вершинами.

Нам навстречу попало несколько конных киргизов³. Они теперь при пашнях в долинах, но осенью перебираются в здешние места, и тогда вдоль дороги появляется много их кочевьев. «Да что толку в этих киргизах, какой это народ, — говорила мне старуха-казачка на станции, — от них только и смотри, как бы худо не было». Уж жаловалась эта старуха на своё положение: неприятна-то у них станция — и голодно, и невыгодно [здесь жить...]. В самом деле, кроме куска чёрствого хлеба я ничего не мог достать, и в первый раз пришлось прибегнуть к бульону Албиха, уже, вероятно, соскучившегося без употребления от тряски по длинной дороге.

На 3-м пикете я встретился с уездным начальником майором Р., возвратившимся с границы, из-под Чугучака. Он только-что привёл в русское подданство киргизов байджигитского рода, перешедших, вернее перебежавших в наши пределы из-под Урумчи. Это — бывшие союзники дунган по разорению Чугучака, Урумчи, Манаса и окрестностей.

Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф.17, ед. хр. 1630, л.1-20; ед. хр. 1601, л. 1-2 (Автограф В.В. Верещагина).

Когда вспыхнуло восстание мусульман, они [киргизы], будучи нашими подданными, массами откочевали в [Западный] Китай, резали и грабили [китайских и маньчжурских] чиновников, пока у них был мир и согласие с дунганями благодаря общей цели. Но когда всё, что можно было разграбить [или] разорить у китайцев [и маньчжуров], было разграблено и разорено, то беспокойные дунгане просто не по чьему другому, как по праву степей обратили [свой гнев] на своих верных помощников и так прижали их, что бедным киргизам ничего больше не оставалось, как уткаться назад в русские пределы — подальше от своих бывших друзей.

Майор Р. сообщил мне, где и что можно будет увидеть, дал несколько рекомендаций и между прочим советовал познакомиться с В. [Вардугиным], бывшим консулом в Чугучаке, теперь живущим в Урджаре. [Он] также сообщил мне много интересного о китайских эмигрантах, выходцах из [района] Кульджи, пробиравшихся из владений России к своей границе в числе тысяч пяти с жёнами и детьми и кое-каким плохоньким скарбом, какой удалось захватить и спасти от разграбления. Они теперь ночевали близ Урджара, где я намеревался застать их.

Распростившись с Р., который уехал в свой карточный городок, я остался ночевать на пикете № 3. Утром, полюбовавшись дивным расположением станционного домика, расположенного на горной речёнке под скалой, я стал подниматься на перевал и после 2–3-х часов скучнейшего движения черепашью шагом добрался до верхней долины, поразившей меня неожиданной прелестью. Всё вокруг, насколько мог окинуть глаз, было занято чудными розами, разливавшими далеко кругом аромат.

Вместо 150 или 170 вёрст, которые считаются до Урджара, последней станции по направлению к китайской границе под Чугучаком, я проехал от Сергиополя добрых 250 вёрст (Расстояния здесь плохо меряны — на глаз). Станица выглядит очень бедно. Перед нею кругом на большом расстоянии виднелись какие-то дыры в земле, [которые], как оказалось, представляли собою человеческие норы. Тут зимовали несчастные китайские эмигранты.

Посреди станицы находится площадь с прекурёзною, маленькою и деревянною, церковью и массою камней для предполагаемой новой. Как я уже отметил, вид деревушки далеко не привлекателен. Избы все покосились, а заборы [...] пообвалились. Чтобы их починить, нет леса на целые десятки вёрст кругом.

Казаки могут благодарить судьбу, пославшую им китайцев-эмигрантов, берущихся за всякую работу, за самую ничтожную плату, — только ради хлеба насущного. Благодаря

С гор на долины. Начало 1870-х гг.

Развалины Чугучака.

этим муравьям [россияне] домишки свои стали обносить глиняным забором, а вместо полуразвалившихся избёнок уже строят новые из сырцового кирпича. Работает этот [наёмный] народ, по отзывам казаков, очень хорошо и прилежно, а труд [пришлого люда] обходится казакам изумительно дёшево. Так, в доме, в котором я остановился, семейство калмыков, состоящее из отца, матери, сына и дочери, выложили амбар и сделали пристройку из двух комнат к избушке, причём, разумеется, сами делали кирпич и [выполняли] всю работу без чьей-либо помощи приблизительно за 3 руб. — так велик между этими несчастными спрос на получение работы!

Бывший [российский] консул в Чугучаке, с которым я познакомился тотчас по приезде в Урджар, переселился сюда с началом возмущения [против цинского режима]. Он не испытал от инсургентов никакого насилия или притеснения, причём они, предупреждая его, просили не беспокоиться в случае их расправы с китайцами и по-прежнему вести свои дела, оставаясь на прежнем месте. Тем не менее, наш консул выехал [из Чугучака], чтобы своим присутствием не выказывать поддержки повстанцам и восстанию, исключительно мусульманского и, вероятно, фанатичного элемента, действующего в ущерб послушному и нефанатичному китайскому мирному населению [...] Г-н Вардугин (так звали консула) рассказал мне об инсurreкции то, что сам видел и слышал от других в первые минуты [антиправительственного выступления], т.е. тогда, когда ещё не сложились разного рода нелепости и легенды, неизбежно сопровождающие каждое крупное событие. Впрочем, его рассказ о резне в Чугучаке несколько разнится от другого, услышанного мною от лица, близко находившегося от места события.

[...]

В. сообщил, что китайские эмигранты (беженцы), находящиеся здесь, собираются перейти к самой границе, к месту расположения нашего [пограничного] отряда, чтобы там выждать [удобный момент] для возвращения на свои прежние места. При этом консул сказал, что часть эмигрантов уже откочевала, и скоро на старые места перейдут и остальные люди во главе с их главным начальником-амбанем (генерал-майором). Консул предложил мне познакомиться с амбанем, пока последний ещё здесь, и что, кстати же, можно будет посмотреть и на жизнь-бытьё подчинённого ему люда.

Огромный беспорядочный табор открылся нам за пределами станции. Синие струйки дыма, перпендикулярно подымавшиеся вверх, позволили различить отдельные палатки между массой хлама и тряпья, занимавшего всю окрестность селения. Прежде всего, мы набрали на нечто похожее на караван — несколько дырявейших шатров, между которыми в очагах, врытых в землю, варилась или готовилась к варке говядина. Рядом на колышках висело немного мяса, лук и ещё какая-то съедобная трава. Старая калмычка, долго отпихивавшая [предлагаемый продавцом кусок мяса] и приценивавшаяся, наконец сторгова-

лась. Остановившись на выборе небольшого куска, который могла получить за свои скромные гроши, она уселась со своим внучком и стала поедать мясо. Маленькие палочки (употребляемые китайцами вместо наших ножей и вилок) быстро заходили в её руках. Старуха ловко вкладывала, запихивала в рот малыша кусочки мяса, причём не менее ловко вместе с ним прихлёбывала похлёбку. Тут же прохаживались и не имевшие денег люди, которые лишь жадно поглядывали на аппетитные, роскошные для них, блюда.

[...]

Палатки, некоторые из которых были очень оригинальной формы и напоминали крыши китайских домов, были широко распахнуты на теневую сторону. Мужчин по большей части не было [видно], а те, что были, чаще всего предавались сладкому сну. Женщины — старые и молодые — занимались шитьём. Молоденькие особы, среди которых многие выглядели очень милыми, были все старательно причёсаны, причём некоторые из них, не стесняясь прохожих, занимались своим туалетом. [Они] расчёсывали свои чёрные как смоль косы, завивали и закалывали их гребёнками и булавокками либо металлическими пластинами.

Надобно признаться, что я был равнодушен к волосам и причёскам этих барышень, однако меня немного разочаровал Вардугин, который объяснил, что косы с шиньоном на три четверти, как у доброй парижанки, подставлены, а лоск и блеск волос получается главным образом за счёт большой дозы свиного сала, которым они покрываются. Так или иначе, некоторые головки с полевыми цветами, кокетливо воткнутыми в чёрные волосы, были так очаровательны, что можно было залюбоваться ими. Особенно меня поразило выражение не то грусти, не то меланхолии и какой-то мечтательности, главным образом у молодых женщин. Может быть, это связано с действием табака или опиума, которые они потребляют в огромном количестве. Опиум, впрочем, как дорогой наркотик сравнительно менее употребителен. Но именно потому, что он дороже и потому, что немногие могут наслаждаться им постоянно, большая часть [китайских беженцев] только и «лакомится» им при удобном случае. Табак же курят все — и большие, и малые, и мужчины, и женщины. С трубкою во рту убирает свою головку молодая щеголиха, с трубкою же женщина хлопочет по хозяйству, шьёт, стряпает, сплетничает. С трубкою, наконец, и огромными очками

Опиумеды. 1868.

Женщины-солонки.

в ногах сидела молоденькая, лет 14-ти, его прехорошенькая жена — китайка чистой крови. На ней была синяя широкая рубашка с различными серебряными привесками на груди (зубочистка, ухвертка и другие предметы). Около шеи висели продетые в уши нитки из кораллов и разных цветных камней. На руках — браслеты. Знаменитая ножка китайки была обута в большой безобразный башмак, какие носят и солонки, и потому нельзя было судить, насколько эти башмаки велики или малы, красивые или безобразны. Сам хозяин был в грязнейшей, потерявшей цвет рубашке и перед нашим приходом только что выкурил трубку с опиумом. Теснота и грязь кругом были страшные. Несколько человек сидели вдоль стен палатки (это была киргизская палатка-юрта). Они уступили нам свои места и вышли. На приглашение [амбаня] я с немалым недоверием опустился на маленький коврик. Надобно было рисковать, т.к. почти наверняка можно было подцепить и затем вынести на своей одежде несколько экземпляров разных насекомых — и кавалерии, и пехоты.

Извинившись за своё нездоровье, амбань стал расспрашивать консула, кто я такой, куда и зачем еду. Одним из первых вопросов, в котором хорошо сказался [истинный характер] китайского чиновника, был в следующем виде: «Какой у меня чин?». Мало того, что я потом в разговоре сообщил, что губернатор [Семипалатинской] области генерал К. [Колпаковский]⁴, находившийся в то время в Петербурге, скоро [вернётся] назад, чиновлюбивый старик вновь не утерпел, чтобы не спросить: «Получил ли генерал следующий чин?».

[В ходе беседы] мы узнали, что китайское [цинское] правительство приказало амбаню вести свой люд к границе и там ожидать дальнейших событий и приказаний. Ему была обещана помощь деньгами и необходимыми вещами, но именно только в том случае, если [ему подчинённые] люди придвинутся к границе и будут готовы по первому приказанию перейти в китайские пределы. В противном же случае [цинские власти] угрожали оставить их на произвол судьбы. Поэтому амбань понемногу двигал [к границе] свой люд отдельными партиями, т.к. вьючного скота было мало и приходилось пользоваться им поочередно. [...] При этом амбань уверял, что китайские войска подходят из внутреннего Китая и что они уже отняли у инсургентов город Хами, а вскоре не замедлят разделиться и со всеми бунтовщиками.

Пуститься в рассуждения о тонкостях китайской политики мы, впрочем, не решились, ибо наш достопочтенный хозяин, крепко накурившись [опиума] до нашего прихода, не совсем связно говорил и даже своим клюкающим носом явно обнаруживал попольз-

на конце носа старая бабуся роемся в волосах (в поисках насекомых) у лежащей на её коленях внучки. Китайские очки, своею грандиозностью удивляющие посторонний глаз, представляют собою наглядный образчик усидчивости и большого искусства китайских мастеров. Их вытачивают из горного хрусталя и вытачивают так, что по совершенству полировки не уступают стёклам наших лучших оптиков, причём они приспособлены к дефектам глаз. Они в большом употреблении и для защиты глаз, хотя кажется странным, каким образом очки, будучи такими же белыми и прозрачными, как первые (европейские), могут предохранять глаза от действия солнечных лучей.

Нам указали две палатки, несколько более приличного вида [...]. Одну, что побольше, занимала жена амбаня, а в другой жил сам амбань — больной и хилый, хотя ещё не старый человек — с жёлтым, обрюзгшим от курения [опиума] лицом.

Он лежал на невысокой скамье, а у него

новение заснуть, так что наш консул решил за лучшее пораньше закончить визит, чем пересолить его.

Когда мы вышли из палатки, я спросил В.: «Это о каком серебре амбань спросил Вас?» (я понял слово «кумыш», т.к. разговор шёл на киргизском яз.). «Он, — ответил В., — просил меня спрятать сундучок с серебром, т.е. с ямбами, ибо старик-амбань боится умереть». Последнее, впрочем, довольно верно. [Недаром] его жена научила амбаня тому, чтобы в случае смерти последнего его серебром, помимо неё, не успели воспользоваться другие родственники.

— Неужели у амбаня есть серебро? Ведь он живёт как нищий, — недоумевал я.

— Разумеется, есть, но он скуп...

— Откуда же у него теперь деньги?

— Часть, может быть, успел прихватить с собой [при бегстве], а большую часть нагребил здесь.

— Да разве можно ещё что-нибудь взять с этих бедняков?

— От них нет, но из того серебра, что для них время от времени присылала [казна], вероятнее всего, только ничтожная часть [оказалась] в сундуке амбаня, т.к. серебро осело не только у него, но и у многих чиновников постарше его. Народ же и пикнуть не смеет.

Когда мы возвращались к себе, нам навстречу везде выбегали мальчуганы, голые, перепачканные и сопливые. Разумеется, они никак не могли предположить, что для меня смотреть на их загорелые (до цвета бронзы) тела [...] столь же интересно, как и им глядеть на чужеземца-европейца. Вообще народ смотрел на нас очень приветливо, и [люди] охотно отвечали на наши расспросы. Никто не убегал, не прятался, как это принято между мусульманами. Это давало мне надежду, что с ними можно сойтись ближе, чтобы без большого труда наблюдать за их жизнью и рисовать их.

Здесь в первый раз я встретил ламу, в жёлтой рубашке и красной мантии. Гладко выбритый, он служил молебен. Несколько церковных прислужников (также с женоподобной физиономией) подпевали ему, ударяли в колокольчики и трубили с помощью трубы. По окончании молебна, после [обряд] поминовения какого-то умершего [участники церемонии] пили бузу и чай, при этом потчевали и нас. Чай — комкульский, а местные китайцы вообще употребляют кирпичный — с приправой — молока, масла и соли. [...] Напиток показался мне очень невкусным. Странно и то, что чай, который мы пьём, в Китае сравнительно в малом употреблении, и большая часть его уходит в Европу. В самой же Небесной империи только аристократия из маньчжуров (и то не вся) и богатые китайцы употребляют этот чай. Остальной же люд, как солонь, сибь, калмыки и прочие [местные] жители пьют вышеупомянутый кирпичный чай.

[...]

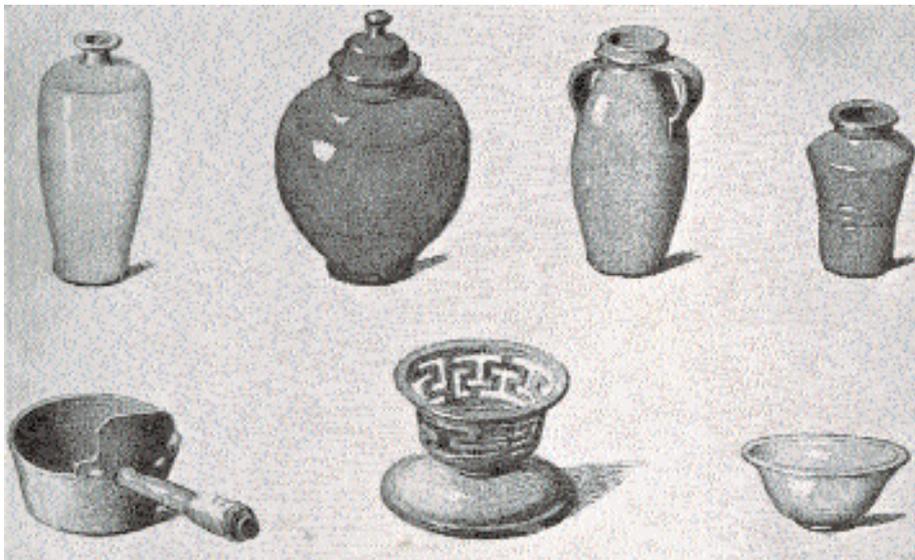
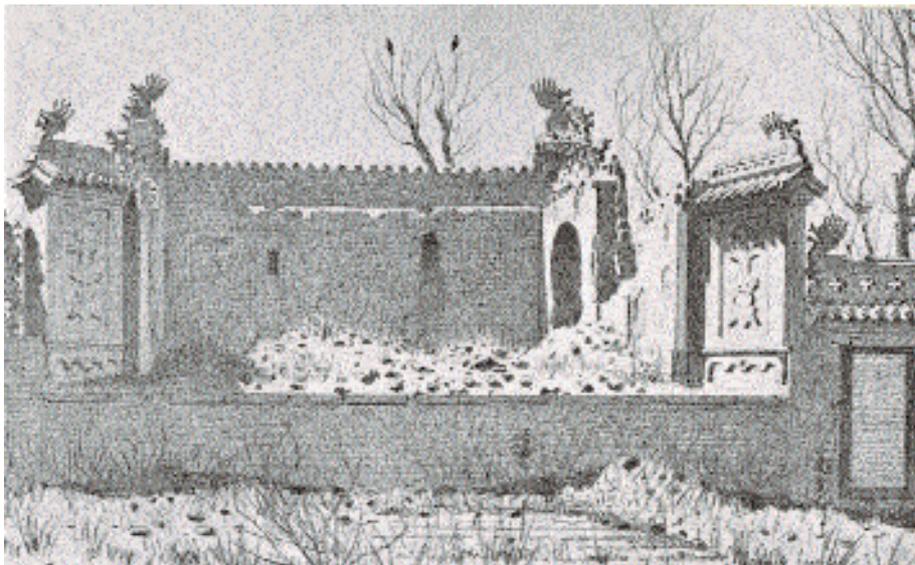
Я пробыл несколько дней в Урджаре, побродил по окрестностям. Они — голы: ни дерева, ни тычинки — на большом расстоянии кругом. [Местные] казаки горестно жалуются на это безлесье. [...] Хлеб здесь родится недурно, хотя далеко не так обильно, как во многих других казачьих селениях. Промыслов нет, если не считать охоту. [...] Небезвыгодной бывает добыча молодых оленьих рогов весной, когда они ещё покрыты пушком и заключают в себе соки, высоко ценящиеся в Китае. Из этих соков китайцы готовят дорогое, сильно возбуждающее средство, на которое существует большой спрос в этой стране, где опиум и чувственные удовольствия рано изнуряют и обессиливают людей.

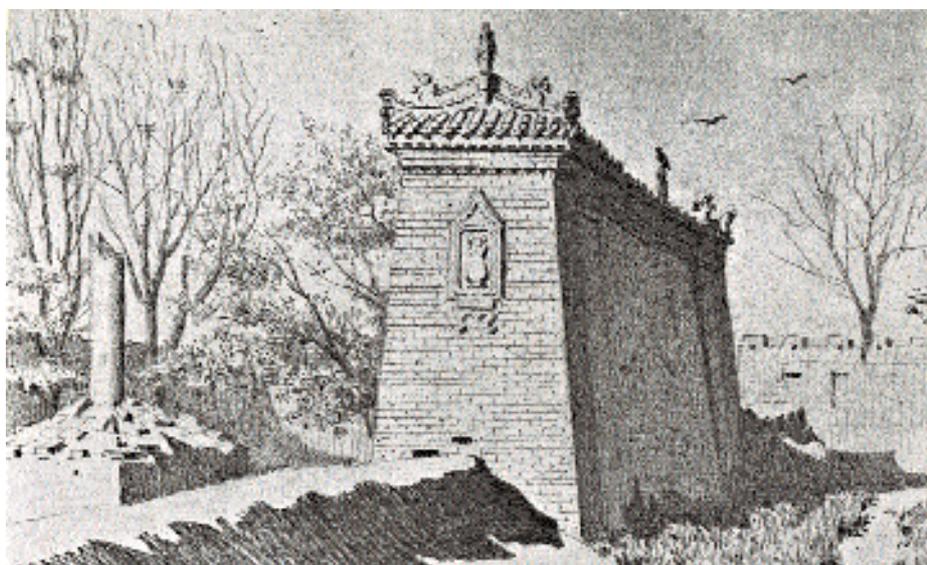
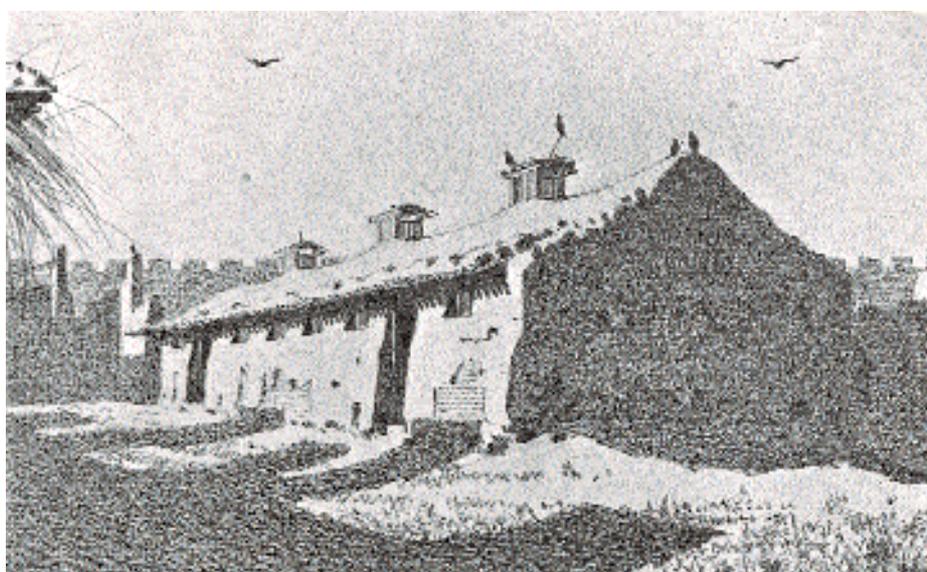
[...]

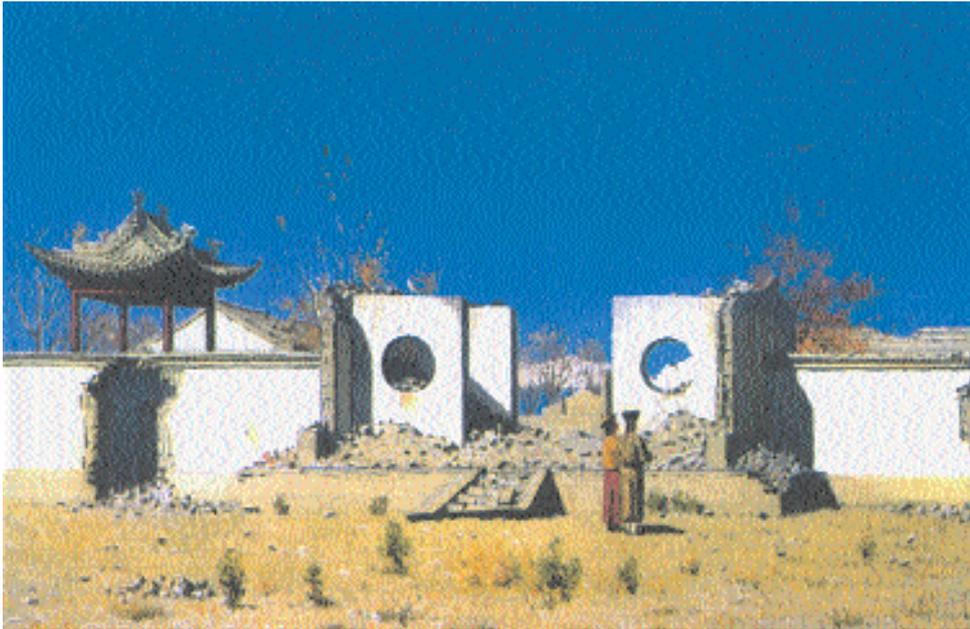
Заручившись в Урджаре [необходимой помощью] переводчика и проводника, я направился к нашему отряду, стоявшему на китайской границе, чтобы оттуда проехать

Солон.

Развалины китайской кумирни. 1869–1870.

к Чугучаку. Переводчиком у меня оказался пользующийся почётом человек из местной киргизской волости бий Ахмет. Он не совсем киргиз и не совсем татарин (мать его была киргизкой, а отец — ногайцем, и здесь таковых называют челоказаками). Этот малый отлично знал местность, часто бывал в Чугучаке, причём и в период процветания этого городка и после начала восстания и [связанной с ним] осады. [Иначе говоря] он будет мне полезен своими сведениями [о Чугучаке и о местном крае]. Проводник же мой — бывший казак из столицы, детина — не из самых умных, но расторопный и услужливый.

[...]

Мы ехали вдоль Тарбагатайского хребта, который был у нас слева. Впереди, хотя и залитые ярким полуденным солнцем, но едва-едва виднелись снеговые вершины Алатау. До них отсюда было вёрст 150. Из нескольких дорог, ведущих в расположение пограничного отряда, мы ехали той, которая шла всего ближе к горам, чтобы [иметь возможность] остановиться и поменять лошадей в кочевьях, которые с приближением жары теперь двигались всё далее и далее в направлении гор.

Вскоре мы проехали табор калмыков и солонов, расположившихся здесь после первого перехода от Урджара. Старый знакомый — амбань также уже перебрался сюда. Я посетил его и опять застал его с трубкой опиума, и опять пришлось выслушать его жалобы на нездоровье.

На этот раз старик имел такой болезненный вид, что как будто в самом деле был готов отправиться к праотцам. Он жаловался главным образом на ноги, которые как бы совсем отнимались. Мне казалось, что я не ошибусь, если по сделанным расспросам припишу эту болезнь сильной простуде. Поэтому решил спросить амбаня, могу ли я присоветовать ему одно средство, которое, во всяком случае, не принесёт никакого вреда. Он с живейшим интересом принял мой совет, и тогда я объяснил приемы гидропатического лечения, трения (массажа) и способы закутывания (тела) в мокрые простыни и проч. На немедленное исцеление я просил не рассчитывать, но обнадежил тем, что приблизительно через месяц можно будет ожидать некоторого облегчения. Старик горячо поблагодарил меня и обещал испробовать [предложенные методы лечения]. Он даже дал обещание меньше курить опиум. Присутствовавшая при этом его милостивая жена, может быть, проникшись уважением к моим медицинским познаниям, на этот раз смотрела на меня менее строго и очень любезно угощала чаем.

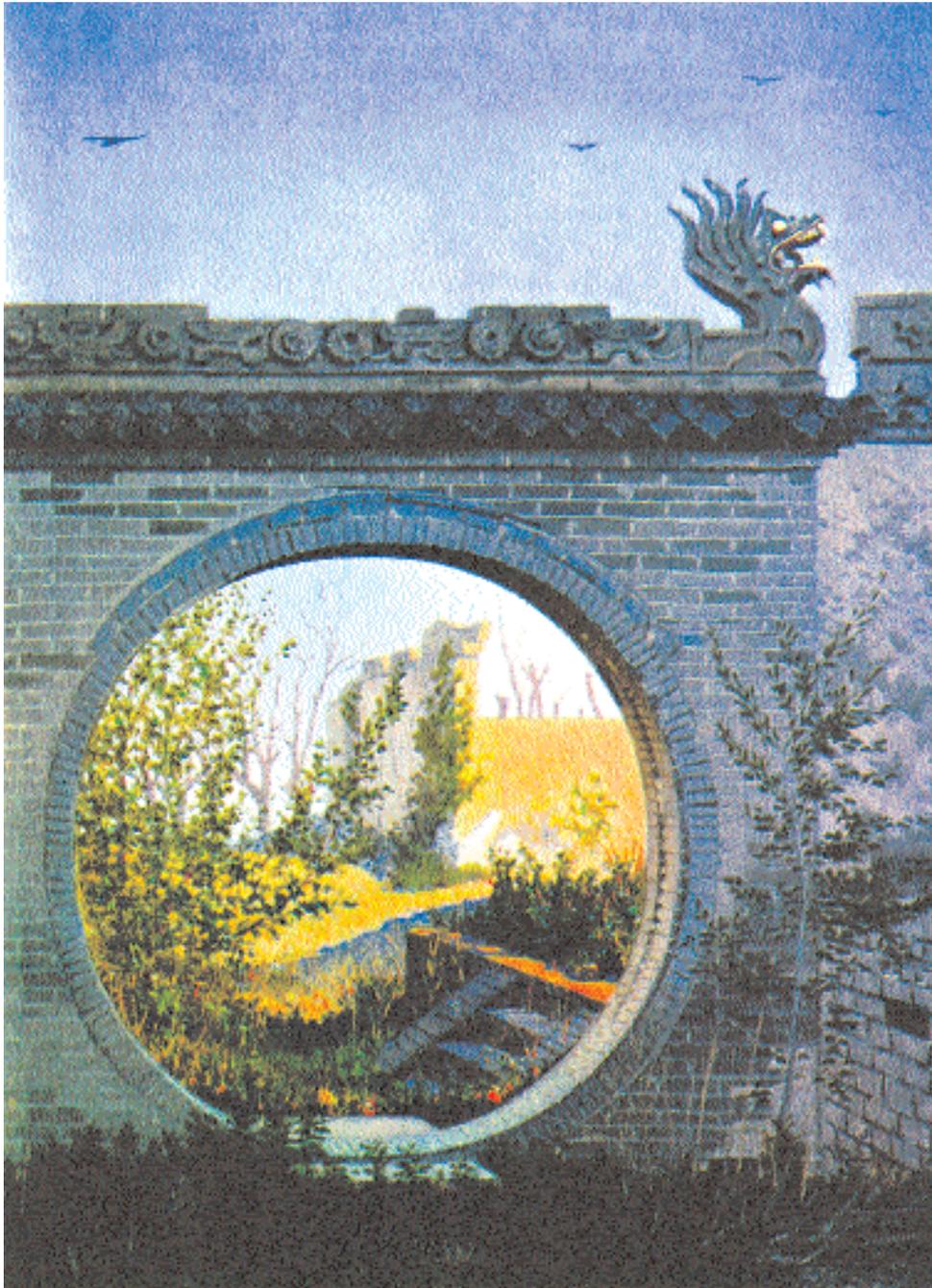
Тем временем амбань настойчиво добивался от меня ответа на вопрос: зачем я еду в Чугучак. Он уверял, что там всё так разрушено, что смотреть решительно нечего. Амбань

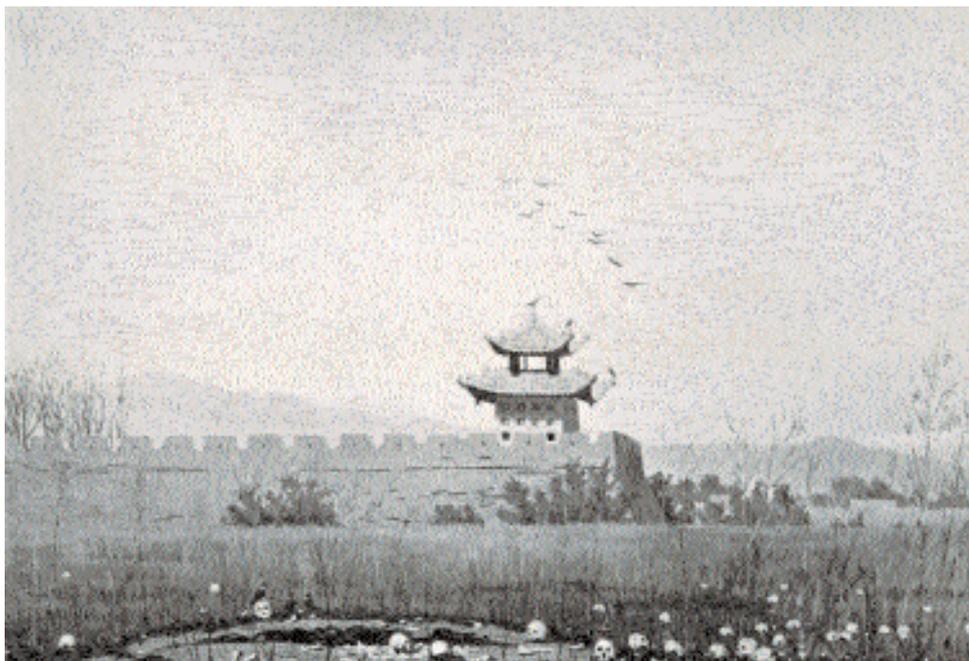
как будто боялся, что я подослан осмотреть эти места, чтобы потом оттягать их у китайцев. Подозрительность у восточных народов, впрочем, у китайцев несколько менее, чем у других, развита в высшей степени.

Я переночевал у моего Ахмета в кибитке, которую он до приезда гостя устлал коврами и всячески принарядил, точно так же, как своих двух жён, из которых младшую, очень недурную, живую бабёнку, он «оттягал», а попросту отнял у своего младшего брата. [...] За неизменным чаем, которым эта быстроглазая киргизка меня угощала, я уверял её, что по нашим русским законам больше одной жены иметь нельзя и поэтому я непременно утащу её у мужа и увезу далеко-далеко. [...] Она громко хохотала, как ребёнок, и бойко отвечала, что покамест она не дастся, но что, если муж вздумает взять ещё третью жену, то она сама прискачет ко мне и попросит увезти её далеко-далеко.

[...]

Садовая калитка в Чугучаке. 1869–1870.

Развалины Чугучака.

— Нет, нам никак нельзя быть с одной женой, — говаривал Ахмет весьма весьма серьёзно, — одна жена и капризничает, и не слушает, а всё потому, что знает, что она — одна, а когда их две, так они лучше ходят [за мужем].

— Что значит — лучше ходят? — спрашивал я.

— Ну, значит — смирнее. Каждая знает, что коли чем-либо не угодит, так я её буду любить меньше, чем другую.

Посмеявшись вместе над этою практическою мудростью, я попытался объяснить моему хозяину [жилища] возможность тех же семейных, только иначе построенных отношений мужчины к женщине, но мой собеседник осадил мой порыв самым обескураживающим доводом.

— Всё это хорошо. Вы мне скажите, могу ли я или должен ли я жить со своей женой, если она... ну, хоть, положим, окривеет?

— Почему же нет?

— Какой же это закон, — с горечью сказал Ахмет и только махнул рукой.

[...]

Мы ехали до места расположения кочевых киргизов — байджигитов. Около дороги люди пахали, где на быках, где на верблюдах, но, строго говоря, не пахали, а только ковыряли землю тем незатейливым инструментом, который называется здесь сохою. Вместо же бороны жители употребляют кусок бревна, а как уж им боронят — про то знает [один] аллах.

Здесь сеют одно просо, главным образом для своего потребления. Пшеницы очень мало, а ячменя почти вовсе нет, хотя все [злаки] родятся хорошо.

Следуя своим маршрутом, мы подъехали к кибитке управителя здешней волости [...], но не застали его дома и вечером после хорошего перехода едва спаслись от дождя в небольшом кочевье только что перешедших к нам из китайских пределов байджигитов. Они были [...], видимо, рады-радешеньки, что вырвались из когтей дунган, о которых рассказывали разные истории. Всех киргизов они [дунгане] грабят немилосердно, отнимая у них не только скот, но и самые палатки.

[...]

Наконец, нам открылись с холмов в [нескольких] верстах впереди палатки, и мы спустились в долину речки Бахты, к месту расположения нашего пограничного отряда. Он так и называется Бахтинским отрядом... [Солдаты и офицеры] провели эту зиму с морозами в 15—18 градусов в сырых землянках и теперь начали строить для себя новые поме-

Развалины театра в Чугучаке. 1869–1870.

щения, рассчитывая жить в этом месте постоянно. Сначала стояли [гарнизон] в Урджаре, а потом, переходя с места на место, постепенно продвинулись до нынешней своей стоянки, т.е. на 100 с лишком вёрст вперёд.

[...]

Земля здесь хороша: глина и чернозём... Овощи рождаются хорошо без удобрения, и замечательно то, что в тех местах, где пробовали землю удобрять, ничего не всходило. Морозы, как я уже говорил, бывают ниже 15 градусов, но снега неглубоки. Ветры дуют сильно и часто.[...] Незадолго до моего приезда здесь разразился ураган, сорвавший все палатки. За озером Алакулем есть щель в горах, через которую прорывается страшный ветер. Надо полагать, что он достигает долины, хотя от неё до упомянутой щели более 100 вёрст. В долине, разумеется, нет, но в Тарбагатае есть тополь и осина. В Алатау же и в одном небольшом кряже близ Алакуля, в Барлыкке, имеются богатые леса. В этом Барлыкке, как мне говорили, бывают землетрясения, при этом местность кругом остаётся спокойной. Один из офицеров Бахтинского отряда мне рассказывал, что в бытность его там он ясно чувствовал подземные толчки и даже мог проследить направление этих ударов.

Некто Б., молодой артиллерийский офицер, за отсутствием начальника отряда исполнивший его служебные обязанности, гостеприимно принял меня: приютил, накормил, пригрел (что было нелишне, т.к. стояли дожди, а с ними и сырая погода). Под конец он вызвался проводить меня в Чугучак, показать этот город и рассказать то, что сам успел узнать и услышать.

Мы оставили Бахты ранним утром и вскоре проехали бывший китайский пикет.[...] Тут ранее была граница и китайский карантин. Теперь здесь расположился русский пост и на одиноко стоящем дереве, в специально устроенном сиденье восседал дозорный казак, исполняя роль птицы-самца на постоянном дежурстве. Отсюда мы поехали по территории, уже некоторым образом не связанной с китайским государством. Вскоре вдали по сторонам стали показываться группы деревьев — это заимки, или маленькие фермы, которых было немало вокруг Чугучака. Затем за линией деревьев открылся сам город. Не доезжая до него версты за две, мы миновали несколько разрушенных домов и молельню с уцелевшей на её стенах живописью, среди превосходных деревьев, совершенно высохших из-за недостатка воды, так как арыки (каналы), приводившие её, были заброшены.

То же самое мы увидели в городе: чудные аллеи и целые рощи — плоды стольких трудов и человеческих усилий — местами уже пропали, а упавшие на землю деревья — гibli.

Дома большею частью без крыш, частью — ещё крытые, с живописью по стенам, с деревянными решетками в окнах. Везде обломки и [остатки] мусора от всего того, что только можно себе представить: [от] чугунной и глиняной посуды, от мельчайших [изделий] до самых громоздких... и разной мебели. [...] Масса [брошенных либо оставленных во время бегства] медных денег. Всюду разбросаны платя, шапки, башмаки и прочие вещи, а также косы. И в довершении всей картины целые груды людских черепов.

[...]

Впечатление от развалин города — этого живого мертвеца — поразительно. Я бродил по нему с Б. без устали целый день. Бродил и ещё много дней, когда остался здесь один. Я решил прожить тут в течение некоторого времени, не выезжая, и, пополнив запасы провизии, расположился в одном домике с несколькими казаками. [Благодаря этому мне] удалось высмотреть много интересного и примечательного, но прежде чем занести [на бумагу] результаты своих наблюдений... думаю рассказать о том, что знаю о причинах разрушительного погрома, разразившегося над этим краем, о восстании дунган, его [возникновении], ходе и, наконец, последствиях.

Из наброска статьи В.В. Верещагина «Впечатления войны»

«Лет 25 тому назад я путешествовал вдоль китайской границы по местам, когда-то бывшим в цветущем состоянии, настоящими житницами Западного Китая, но в это время представлявшим собою голую пустыню.

Мы приближались к городу Чугучаку, в котором прежде всего [вместе] с гарнизоном тысяч до 10 жителей. При беглом взгляде на него снаружи можно было подумать, что это был город как город: стены, башни; крыши домов — совершенно целы, блестят на солнце. Только большое количество чудесных, развесистых, преимущественно тутовых деревьев, совершенно засохших, наводит на мысль, что в городе что-то неладно. Въезжаю — всё пусто! На улицах валяется посуда и разные принадлежности домашнего обихода, начиная от крошечных башмаков и мужских кос до медных денег. Эти последние — ничтожной ценности — нанизаны по китайскому обыкновению на веревки в таком огромном числе, что ими можно было бы нагрузить телеги.

Подъезжаю к крепости. Главные ворота — очень избиты и испорчены. Осаждавшие её, будучи не в состоянии что-либо сделать открытою силою, несмотря на то, что у них

Китайская кавалерия.

были средневековые осадные подъёмные башни, вынуждены были подрывать стену, чтобы ворваться через пролом. При этом они выбрали для этого тёмную ночь, когда и жители города спали, а гарнизон плохо стерёг. Под стенами [остались] целые груды человеческих голов и разных костей, а в некоторых местах, где устраивались приступы и где скидывали со стен перерезанных воинов гарнизона, выросли буквально пирамиды человеческих голов.

Все окрестности города тоже были усеяны черепами. В соседних деревнях, которые одно время были заняты 15-тысячным отрядом, подошедшим на помощь осаждённому в крепости и потом поголовно истреблённому, улицы и дворы запружены скелетами и черепами. Кругом на полях, насколько видно глазу, везде белеют черепа, черепа и черепа! Хорошо помню, что ежедневно отправляясь с ящиком красок для писания этюдов, я почти

при каждом шаге ударял железным концом своего путевого зонтика по черепу или скелету. Может быть, мне не поверят, но я не преувеличиваю.

В некоторых местах кости рук и ног были ещё покрыты одеждою, которая удерживала форму, но ни мяса, ни кожи, конечно, не было: их съели волки и шакалы либо поклевали птицы. Все кости белые, вымыты дождями и выбелены солнцем.

Незадолго до моего приезда сюда в этих местах было опасно из-за множества одичавших собак, нападавших на проезжих. Даже домашние свиньи, успевшие уйти из деревень в камыши и там одичавшие, оказывались смелыми при встречах с одинокими прохожими.

Вдоль китайской границы я посетил несколько таких городков, в которых мы (я с двумя казаками) были единственными живыми существами.

Только в Чугучаке, внутри одной из многих громадных чугунных фигур мифического льва я нашёл двух галчат. Мать их бросила, вероятно, потому, что мы поселились слишком близко, и я за время своего трёх-четырёхнедельного пребывания в городе кормил их, за что при отъезде был провожаем их признательными криками очень долго — до выезда за пределы городской черты.

До какой степени опустели и город, и его окрестности, можно судить по тому, что иногда, во время моих занятий, перед мной, выйдя из соседнего дома, останавливалась дикая коза, поражённая неожиданною встречей с живым человеком, после чего, как молния, убегала в степь.

Один из моих знакомых, имевший случай ездить в этих местах дальше меня, хотя и несколько лет спустя, уверял, что вся страна от [западной] русской границы до Великой [китайской] стены была в таком же положении, и что он находил по 10—15 тыс. жителей в крупных городах, прежде насчитывавших до 200 тыс. и более душ. В этом проявились результаты последнего из длинного ряда периодических [антицинских] выступлений мусульман в этих краях — восстания, о котором в Европе почти ничего не знали, но во время которого погибло от 15 до 20 млн китайцев, маньчжуров, солонов, сибо, калмыков, убитых дунганями и таранчами.

Восстание тайпинов, разгоревшееся на юге Китая и [продолжавшееся] приблизительно около того же времени, истребило ещё более народа — от 20 до 25 млн чел., поэтому можно без преувеличения сказать, что за сравнительно небольшой промежуток времени — каких-нибудь 20 лет, в Китае погибло от 40 до 45 млн жителей, в том числе [представителей] различных монгольских и [тюркских] племён, составлявших [вместе с огромной массой китайцев] население Небесной империи.

Китаец.

Два воспоминания, или два сувенира, остались у меня от посещения отдельных мест [Западного Китая]. Один из них — вещественный — коллекция черепов китайцев, калмыков, дунган и киргизов. Другой — одушевлённый, связанный с сознанием того факта, что в наше время люди, хотя уже не едящие друг друга (что случалось в далёком прошлом), режут, убивают и расстреливают и всячески истребляют друг друга с тем же остервенением и с той уверенностью в правоте и достоинстве своих поступков, как и в прежние времена, правда, истребления эти случаются несколько реже, но зато они бывают более методичными и более массовыми.

Примечания

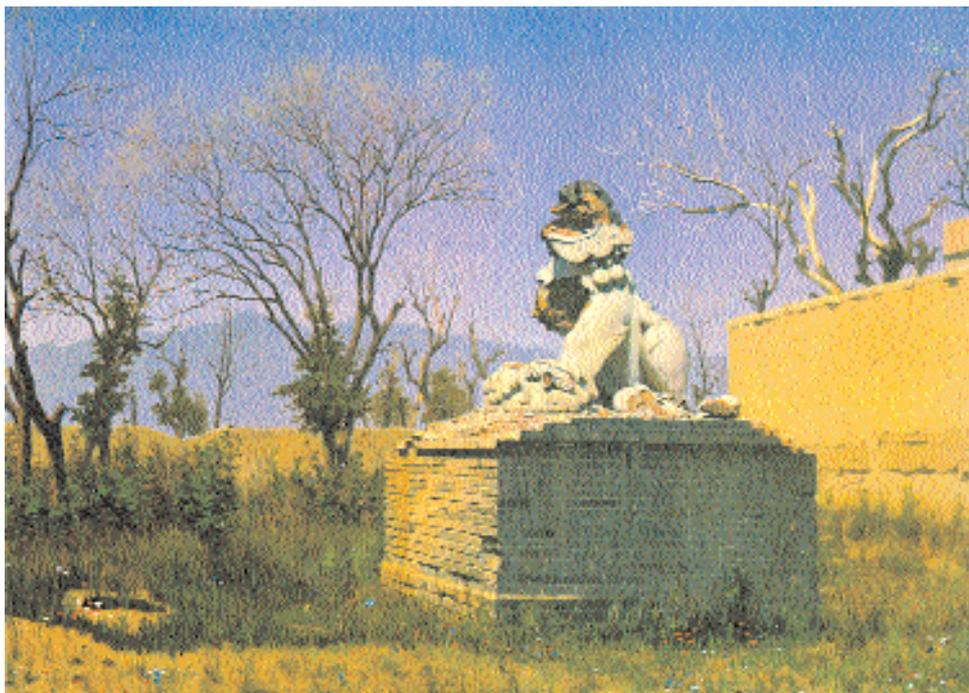
¹ *Дунгане* — распространённое в русской литературе название народности *хуэй*, говорящей на разных, преимущественно северных диалектах китайского языка. *Таранчи* (дословно земледельцы) — уйгуры, проживавшие в долине р. Или. Будучи представителями тюркского народа, они исповедовали ислам, как и многие дунгане, жившие на территории тогдашнего Китая.

² *Амбань* (маньчж.) — правитель, обладавший в пограничных владениях Цинской империи большими полномочиями.

³ Киргизами в то время принято было называть казахов.

⁴ *Г.А. Колпаковский* (1819–1896) — видный российский военный и государственный деятель. Начав военную службу простым рядовым, он отличился в период операции российских войск на Кавказе, где в 1836 г. получил первый офицерский чин, а в последующие годы несколько правительственных наград. В 1964 г. его в звании генерал-майора назначили военным губернатором и командующим войсками Семипалатинской области, а в 1867 г. в том же качестве поставили во главе администрации Семиреченской области. (Правительственный вестник, №92 (25 апреля/7 мая 1896 г.).

Публикация и примечания А.Н. Хохлова.

В оформлении использованы иллюстрации из книг:
Булгаков Ф. В. В. Верещагин и его произведения. СПб., 1905. РГБ: И 228/361;
Верещагин. М., [2002]. РГБ: ИЗО 5/8.72; Карпов Н. Погиб талант. СПб., 1904. РГБ: И 292/578;
Лебедев А., Солодовников А. Василий Васильевич Верещагин. Л., 1987. РГБ: ИЗО 133/4.57;
Туркестан. Этюды с натуры В.В. Верещагина. СПб., [1874]. РГБ: Z 91/38.

Василий Васильевич Верещагин, 1842–1904. К 150-летию со дня рождения. М., 1992.

Воспоминания илийского сибинца о дунганско-таранчинском восстании в 1864–1871 гг. в Илийском крае. Вступит. статья и перевод А. Дьякова (30 декабря 1905 г., Кульджа) // Записки Восточного отделения Российского археологического Общества, 1908, т. 18 (1907–1908), вып. 2–3.

Листки из записной книжки художника В.В. Верещагина. М., 1898.